

ПУТЕВЫЕ БЛОКНОТЫ КИШИНЕВЦЕВ

НА РОДИНЕ ШУКШИНА

ЗНАМЕНИТЫЙ Чуйский тракт, некогда спроектированный и построенный при участии писателя Вячеслава Шишкова, тянется от Бийска до Монголии. Но цель нашей поездки значительно ближе — село Сростки. Указатель ведет к дому-музею В. М. Шукшина. Навстречу катит телега — возница сумрачен; рядом на козлах — белобрысая девчушка с транзисторным приемником на коленях, за повозкой пристроился на велосипеде парень в джинсах. Это первые односельчане Василия Макаровича, которых мы видим... Земляки хорошо помнят его: «За что ни брался — все у него ладно получалось. На взмете зяби робил, так его даже в газете пропечатали: комсомолец Шукшин — передовой механизатор района. Он и в Москву не ехавши, здесь, в деревне, большим человеком, однако, стал бы. Исключительный трудолюб...»

Аккуратные домики, утопающие в зелени. Белые наличники окон, голубые ставеньки, к которым поднимаются высокие мальвы — от самых светлых до темно-бордовых. В палисадниках — понурившиеся подсолнухи, кусты облепихи, дикие яблоньки...

Дом, к которому теперь уже «не зарастет народная тропа», Шукшин купил для матери на свой первый крупный гонорар — после выхода в свет романа «Любавины». Здесь же — баня и летняя кухня, которые сын, приезжая в отпуск, построил для Марии Сергеевны. В этом доме она жила до 1971 года, до переезда в Бийск. Василий Макарович мечтал подолгу работать именно тут — в родном селе, где вырос, ходил в школу, откуда ушел служить во флот и куда вернулся потом учителем. В 1974 году он писал матери: «А дом этот мне нравится... Пока меня нет, не приходите сюда ничего...»

Посетителя скромного музея встречают слова писателя: «Всю жизнь мою несую родину в душе, люблю ее, живую, она придает мне силы, когда случается трудно и горько». Это не просто красивая цитата, которую несложно найти в интервью с известным литератором. Это признание художника,

предельно искреннего человека, который играл, писал и жил без грима.

«Не пропустил он момент, когда народу захотелось сокровенного. Он рассказал о простом, негероическом, близком каждому так же просто, негромким голосом, очень до-

шина.

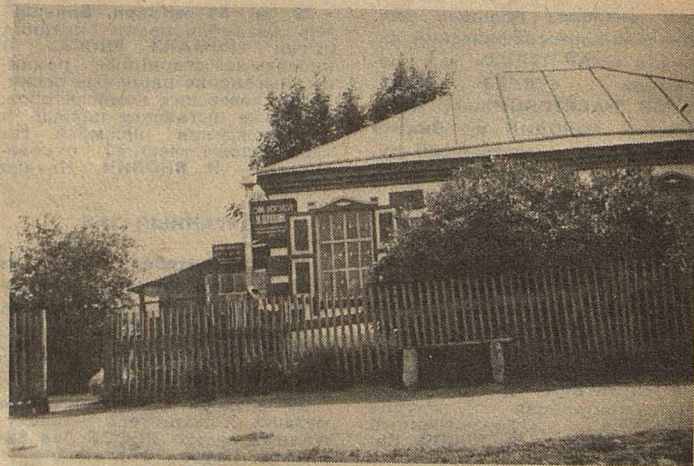
1954 год был для него переломным: вступил в партию, стал комсомольским работником, выдержал конкурс во ВГИК, в мастерскую Михаила Ромма. На стенде дома-музея экспонируется экзаменационная творческая работа с резо-

мом деле название местного села Манжерок, расположенного тоже у Чуйского тракта. (Между прочим, у въезда в него установлен мемориальный знак в честь 100-летия со дня рождения Вячеслава Шишкова).

Среди экспонатов есть один

Залыгина Марии Сергеевны, в котором он пытается успокоить ее, подкупает искренностью, душевностью, большим тактом.

В последней комнатке музея — рабочий стол писателя с будильником «Слава», пачкой сигарет «Опал», пишущей машинкой «Москва». Рядом с ней

верительно». То, что Михаил Шолохов назвал сокровенным, для Шукшина прежде всего — неразрывная связь с отчиной. «...В последний момент, — писал Василий Макарович, — успею подумать о матери, о детях, о родине, которая живет во мне. Дороже у меня ничего нет...»

Театральные афиши, документы, письма, черновики, фотографии на стендах — безмолвные, красноречивые свидетели того, что Шукшин (по его собственному определению) «пришел в искусство, хлебнув жизни». В Сростках он родился, окончил семилетку, потом учился в Бийском автотехникуме, работал кем придется; затем — матрос Балтфлота, радист Черноморского флота; после службы в рядах ВМФ заведовал вечерней школой. Вот под стеклом очень скромный, ничем не примечательный аттестат, внизу — подпись Шук-

лючий в конце: «Хотя написано не на тему и условия не выполнены, автор обнаружил режиссерское дарование и заслуживает отличной оценки». Пройдет 22 года — и другие работы этого автора будут удостоены Ленинской премии. Но это уже высшая ступень признания.

Несомненный, удивительно разносторонний талант Шукшина заявил о себе значительно раньше. В 1958 году он снялся в главной роли в фильме «Два Федора», тогда же опубликовал первый рассказ — «Двое на телеге» — в журнале «Смена». В 1964 году Василий Макарович поставил по собственному сценарию ленту «Живет такой парень», где звучит мелодия песни о Чуйском тракте. Помните, кстати, симпатичнейший герой этого фильма Паша Колокольников щеголяет непонятным «иностранным» словом: «Манжероки»? Это на са-

по-человечески очень трогательный документ — письмо Сергея Залыгина матери Шукшина. Марию Сергеевну смутило, что в одной из книг о ее покойном сыне упоминается о его мальчишеских драках. Она написала об этом и в издательство, и известному писателю, другу семьи. Ну, вроде бы каждому ясно, что в киногероях Шукшина многое подлинное от него самого. Биография автора и трудный, прямой, очень непростой характер его «героя в кирзовых сапогах» как-то не вяжутся с образом пай-мальчика. Да и сам Василий Макарович вспоминал, например, что в детстве не раз дрался, если сверстники называли его Васей или Васькой: хотел, чтоб непременно полным именем... Так-то оно так, да как матери объяснишь все это? У нее своя логика, своя память о сыне и своя забота о светлой его памяти... Письмо Сергея

листы рукописи литературного сценария о Степане Разине... На стене — фотография, сделанная при кинопробах на роль Достоевского — еще один неосуществленный замысел. Под стеклом выстроились многочисленные издания книг В. М. Шукшина, среди них есть и сборники, выпущенные в нашей республике.

Дом-музей стоит у подножия горы «Пикет», где каждое лето проходят традиционные шукшинские чтения. Здесь снимались заключительные кадры ленты «Печки-лавочки». Отсюда открывается вид на Сростки...

Отсюда видна и школа... Уже не та старая школа, где учился, а потом учительствовал Шукшин (ее можно увидеть лишь на фотографии в музее). А новая — каменная, большая и светлая, названная его именем.

Смерть писателя потрясла

своей неожиданностью миллионы зрителей и читателей. Она показала подлинный масштаб всенародной популярности автора «Калины красной». Трагический ответ этого печального события придал какой-то особый смысл последним ролям Василия Макаровича. Вот он в полуавтобиографической роли драматурга Федя, который вопреки чиновничьему сомнению и узкобюджетно пробивает свою пьесу («Прошу слова»). А вот играет Петра Лопахина, в образе которого, как и в образе Василия Теркина, воплощены оптимизм, благородство и простота русского солдата («Они сражались за Родину»). Его смерть заставила еще острее воспринять публицистический памфлет о хамстве — о конфликте с больничным вахтером. А ведь могло показаться, что болезненная раздражительность автора здесь несколько преувеличена: в конце концов, кого из нас не «облаивали» ни за что ни про что, а только потому, что мы — клиенты, покупатели, посетители. Но нет, не было перебора в его гневе и боли: как человек и художник он был честен, искренен и в большом и в малом.

Незадолго до смерти Шукшин писал: «Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвел в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совесть, доброта... Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык, он передан нам нашими дедами и отцами... Уверю, что все было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наше страдание — не отдавай всего этого за понюх табаку. Мы умели жить. Помни это. Будь человеком».

И. МАРЬЯШ.

НА СНИМКАХ: дом-музей В. М. Шукшина; на берегу Каптуни. Здесь любил бывать Василий Шукшин.

Фото автора.

Алтайский край, с. Сростки.